

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 42, Is. 4, pp. 1285-1294, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 009.93

«Giant child covered by the Upturn»: Memoirs of Napoleon's Army Prisoners about the Formation of the Ethnic Identity of the Peoples of the Volga

Sergej V. Belousov^{a,*}, Olga A. Sukhova^a, Oleg V. Jagov^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

This article analyzes the formation of national and ethnic identity of the Volga peoples based on the study of war memories of Napoleon's army.

The authors support the thesis of A. Etkind of internal colonization of Russia. Volga was the internal borders of the empire. The most powerful factor behind the need for awareness of national identity was the Patriotic War of 1812. That is why it is important to analyze the everyday practices of intercultural interaction, developed in this era the territory of multi-ethnic regions. It is important to note that the very fact of placing in the Volga provinces prisoners of Napoleon's army testifies colonial appointment of the region.

In conclusion, the authors note about the high educational value of this type of sources reflecting many aspects of provincial life. The unique experience of the formation of the multinational provincial community was grown on the basis of the recognition of the multiplicity of ethnic identities, and hence tolerance and respect for other cultural environment.

Keywords: Napoleon's army prisoners of war, memories, the peoples of the Volga, the formation of ethnic and national identity.

1. Введение

Обращение к современным интерпретациям тезиса В.О. Ключевского о колонизации как основном факте, предопределившем самобытность российской истории (Ключевский, 1987: 49-50), к изучению имперского опыта внутренней колонизации России (Эткинд, 2013) представляется на сегодняшний день равным образом и чрезвычайно актуальным по причине роста межэтнической конфликтности в мире, и обладающим высоким теоретическим потенциалом, позволяющим успешно решать исследовательские задачи в области изучения национальной политики и в практической плоскости в целях корректировки ее возможных последствий. Ребрендинг имперской составляющей в современных исследованиях, так или иначе связанных с национальными отношениями и соответствующими политическими практиками, свидетельствует о необходимости учета максимально возможного количества факторов, исторических сил, исподволь формировавших направления развития межнациональных коммуникаций. В этом отношении показателен интерес А. Эткинда к такому оксюмору как внутренняя колонизация, позволяющему представить Россию одновременно и как объект, и как субъект колонизации (Эткинд, 2013: 9). Для регионов центральной России переплетение таковых, в некотором смысле взаимоисключающих процессов не обрело своего завершения ни в XVIII в., ни в начале XIX в., когда по сути Поволжье выступало внутренней окраиной империи. Мощнейшим фактором, вызвавшим к жизни идею народа, формирование национальной идентичности, становится Отечественная война 1812 г. (Патриотизм, 2015: 23). Именно поэтому необходимо проанализировать повседневные практики межкультурного взаимодействия, сложившиеся в эту эпоху на территории полиэтничных регионов. Важно отметить, что сам факт

* Corresponding author

E-mail addresses: sergbel_1812@mail.ru (S.V. Belousov), suhhov747@yandex.ru (O.A. Sukhova), yagovdom@yandex.ru (O.V. Jagov)

размещения в губерниях Поволжья военнопленных армии Наполеона свидетельствует о колониальном назначении региона. К слову сказать, и в середине века поволжские губернии сохраняли свой прежний статус – мест ссылки неугодных режиму оппозиционеров: самой масштабной стала ссылка участников польского восстания 1863–1864 гг., размещенных, заметим, на восточных окраинах от Пензы до Тихого океана.

2. Материалы и методы

Уникальным источником, позволяющим не только увидеть картины быта народов Поволжья глазами стороннего наблюдателя, но и выстроить систему взаимосвязей, раскрывающих региональные особенности формирования российской нации в начале XIX в., выступает комплекс воспоминаний, оставленный военнопленными наполеоновской армии, оказавшимися невольными свидетелями происходивших процессов.

После изгнания Великой армии из пределов России в поволжских губерниях были размещены на временное проживание тысячи пленных солдат и офицеров. Некоторые из них стали авторами мемуаров о своем пребывании в плену. В воспоминаниях военнопленных, К.Хр.Л. Шенка фон Винтерштедта, К.А. Веделя, С.Б. Пешке, Ф. фон Фуртенбаха, Х.-Л. Йелина, Ф.Ю. Зодена, Ф. Пепплера, Ф. Баджи, О. де Белэ, Д. ван Додеваарда, встречаются этнографические экскурсии с описанием быта, обычаев и нравов представителей различных поволжских народов. А один из них (обер-лейтенант вюртембергского 2-го линейного полка Х.-Л. Йелин) даже сделал зарисовки с натуры женщин различных этнических групп в национальных нарядах (Белоусов, 2014а: 60–68).

Мемуарные источники позволяют взглянуть на исторические реалии и охарактеризовать жизнь в российской провинции глазами представителей иной, западноевропейской цивилизации. Однако следует помнить, что мемуарный источник относится к источникам личного происхождения. Автор фиксирует информацию опосредовано, опираясь на жизненный опыт, через призму сложившейся картины мира. Личное восприятие нравов и обычаев местных народов во многом определялось и местными содержаниями военнопленных. Конфликтные ситуации, возникавшие между пленными и местными жителями, вели к негативному восприятию не только конкретного человека, но и всей этнической общности, к которой он относился. Напротив, радушный прием, оказанный пленным армии Наполеона представителями определенной народности, становился основанием для максимально лестных характеристик.

Кросскультурное столкновение национальных ментальностей, порожденное великим смешением европейских народов в эпоху наполеоновских войн, в последние годы в условиях набирающей обороты антропологизации истории все чаще привлекает внимание исследователей. Образы противников, нравы и обычаи гражданского населения, географические и климатические условия того или иного региона выступают предметом самого пристального историографического интереса (Белоусов, 2008: 178–184; Белоусов, 2014b: 107–115; Губина, 2012: 252–264; Рей, 2012: 366–382; Промыслов, 2012: 396–414; Тотфалушин, 2012: 250–254; Мельникова, 2014: 116–124; Михайлова, Промыслов, 2013: 272–288). Основным источником при этом являются письма, дневники и мемуары солдат и офицеров различных противоборствующих сторон.

В числе методов научного анализа в качестве базового уровня необходимо выделить компаративный анализ и герменевтику, ставящих во главу угла изучение возможности отражения, рефлексии, интерпретации происходившего. Надежную систему аргументации позволяет создать обращение к опыту предшественников в деле разработки общей теории анализа источников личного происхождения. Несмотря на очевидную трансформацию подходов от позитивистской трактовки подобных материалов, характерной для отечественной историографии и в последние десятилетия XX века, к признанию значимости личного восприятия как такового, представляется важным подчеркнуть необходимость одновременно учитывать как фактическую наполняемость мемуаров – «современных историй», так и отражение исторического самосознания автора. Значение воспоминаний именно как способа реализации исторического самосознания личности в свое время охарактеризовал крупнейший отечественный исследователь в области мемуаристики XVIII–XIX вв. А.Г. Тартаковский (Тартаковский, 1980). На наш взгляд, анализ исторических представлений автора воспоминаний позволяет выявить неявные, скрытые смыслы, что лишь усиливает познавательные возможности источника.

Результаты и обсуждение

Следует отметить, что территория Поволжья в рассматриваемый период представляла собой плавильный котел российской внутренней колонизации. Здесь на протяжении нескольких столетий совместно проживали представители различных национальностей: русские, татары, мордва, чуваша и многие другие. Оставаясь внутренней окраиной, волжский бассейн и к началу XIX века сохранял внутренние ресурсы для колонизации, что, с одной стороны, обеспечивало возможности для миграционных процессов в направлении с севера и северо-запада на юг и юго-восток (дворянская переселенческая политика), но, вследствие низкой плотности населения, способствовало воспроизводству национальной идентичности по этническому признаку без серьезных вызовов со стороны инокультурной среды. Пространственная протяженность, низкий уровень развития

коммуникаций служили дополнительным основанием для сохранения национальной обособленности: русские однодворцы, крестьяне удельного ведомства, а вслед за ними помещичьи крестьяне селились на свободных землях, не затрагивая территорию ясадного населения, что соответствующим образом отразилось на размещении податных слоев начала XIX века (Белоусов, 2010b: 22). «Окраинное сознание» укреплялось инерционностью информационного пространства. Так, сообщение о том, что 12 июня 1812 г. армия Наполеона перешла Неман, в Пензе было получено только 1 июля. «Рескрипт был от 13 июня из Вильны; пока он дошел до Петербурга, оттуда до Москвы, там напечатан, и по почте у нас получен, прошло 18 дней», – напишет позднее известный мемуарист Ф.Ф. Вигель (Вигель, 2003: 648).

И в первых своих впечатлениях, следуя по почтовому тракту из Нижнего Новгорода к местам предстоящего размещения в Пензу и Саратов, военнопленные Великой армии произвольно фиксировали именно колониальный принцип организации территории. Так, по словам су-лейтенанта 36-го линейного полка О. де Белэ, «по мере того как мы удалялись от Нижнего Новгорода, людей, говорящих по-русски, становилось все меньше и меньше; нам попадались деревни татар, черемисов, чувашей и мордвы» (Белэ, 2012: 263).

Выступая этнографами поневоле, авторы мемуаров основное внимание уделяли описанию материальной культуры и хозяйственной деятельности принимавшего их населения. В частности, характеризуя производственную повседневность русского земледельца, обер-лейтенант баварского 5-го линейного полка Ф. фон Фуртенбах отмечал: «Весной крестьянин направляется на поле, чтобы вспахать и засеять его. В не слишком заселенных местностях крестьянин должен обрабатывать большой и сильно удаленный участок, где во время посева и жатвы он и ночует под повозкой, не возвращаясь домой. Основными сельскохозяйственными культурами здесь являются яровые и озимые зерновые: ячмень, пшеница, овес, разного рода крупы, а также просо, знаменитый астраханский сорт которого очень популярен. Крестьянин обрабатывает и засеивает поле самостоятельно. Сбор урожая очень различается в зависимости от местности и природных условий, но из-за очень быстрой здесь вегетации до конца августа все уже обычно собрано. Во время жатвы все женщины, и стар и млад, выходят с серпами на поле. Злаки здесь не косят, хотя большие косы и в ходу; мужчины занимаются только вывозом и обмолотом зерна в больших амбарах. Когда зерно сжинают, девушки сразу вяжут его в снопы, которые, правда, раза в четыре меньше, чем наши. Вместо приготовленных заранее подвязок, как у нас, они вяжут снопы соломой, что возможно только тогда, когда зерно сразу собирается и уже вечером вывозится домой и складывается» (Фуртенбах, 2008: 8-9). Русский крестьянин, по его словам, «не только сам строит свой дом, но и своими руками, причем с помощью нескольких простейших инструментов, делает всю свою домашнюю утварь и сельскохозяйственный инвентарь. Сложно поверить, что эти люди из плохонького дерева делают милые вещицы и плохоньким ножом вырезают красивые штучки. Их терпение и ловкость в этом деле достойны похвалы. Их повозки и сани полностью деревянные и не окованные. Даже колеса они изготавливают из цельного куска дерева и очень даже крепкие. <...> Зимой женщины при свете прядут или ткнут. Мужчины из липовой коры делают обувь, плетут рогожи или вяжут из нее или из конопли разного рода веревки с помощью деревянного крючка. Они делают их толстыми или тонкими, но очень добротно» (Фуртенбах, 2008: 11-12).

Многие мемуаристы отмечали огромную роль в крестьянской культуре повседневности таких ее базовых элементов, как печь и баня. «В комнате <...> крестьянских домов имеется печь, которая служит для отопления и, одновременно, для приготовления пищи, – записал шеф эскадрона 9-го швележского полка, подполковник К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт. – Она занимает самое большое место в помещении; под ней живут куры и молодые поросята, на ней и на полатах <...> спит вся крестьянская семья. Так как печка не касается стен, то вокруг нее установлена деревянная скамья, а в центре помещения стоит большой стол. В углу, по направлению на Восток, выделено место для Бога или девы Марии с некоторыми святыми, для почитания которых, если только это как-нибудь позволяет благосостояние крестьянина, вечерами горит свеча. Два отверстия, расположенные в стенах и заменяющие окна, едва дают столько света, что в светлый день с трудом можно различить проживающих в комнате. Дымовых труб в этих домах вовсе нет, и идущий из печки дым не имеет другого выхода, как только через дверь или через некоторые отдушины, проделанные над полатами. Они открываются редко <...>, так как через них вместе с дымом может уйти и тепло. Русский крестьянин [настолько] сильно привык к большой жаре в помещении и к густому дыму, что ни то, ни другое не воспринимает как нечто неприятное. <...> Русский крестьянин вообще не знает кроватей. Каждый ложится, когда он приходит, на полатах, а тулуп служит ему подстилкой. Почетным для хозяина и для хозяйки является место на печке. Здесь располагаются также дети. Когда русский крестьянин или крестьянка приходит с крепкого мороза, то он сбрасывает свой тулуп, взбирается в рубашке на печку, и чем гуще и едче дым, чем теплее в горнице, тем комфортнее он себя чувствует» (Шенк, 2009: 141-142). «Печь в крестьянской избе служит не только для обогрева помещения, но и для выпечки хлеба, приготовления еды и еще для некоторых подобных надобностей. Посуда, в которой они готовят, состоит из железных котелков и глиняных горшков без ручки, похожих на наши сосуды для молока. Их переносят туда-сюда при помощи чего-то вроде рогатины, закрепленной на

шесте, которая обхватывает горшок. При этом в обращении с посудой требуется соблюдать осторожность», – отмечал Ф. фон Фуртенбах (Фуртенбах, 2008: 12-13).

Поражала военнопленных и русская баня. Они отмечали ее многофункциональный характер и огромное значение в жизни русского населения. «Русские жить не могут без парной бани. <...> Это маленькие, 5-6 футов высотой четырехугольная крытые каморки. В пол вмурована четырехугольная решетка с шуровочным отверстием. На ней нагромождены круглые валуны. Под этими камнями поддерживается огонь, пока они не раскалятся. Тогда двери и заслонка закрываются, и раскаленные камни поливаются холодной водой. Образуется обжигающе горячий пар, который русские обоих полов, и стар и млад, вдыхают, лежа на полках и потеют. Я тоже это испробовал, но смог выдержать лишь несколько минут, да и то внизу. А русские гольшом выходят из этой жаркой и душной атмосферы наружу и в разгар зимы валяются в снегу. Такого я ни разу не проделывал. После этой духоты люди чувствуют себя сильно утомленными и быстро засыпают, но пробуждаются с новыми силами, словно заново рожденные. Эти же бани используются для очищения одежды и шуб от различных паразитов» (Фуртенбах, 2008: 11-12).

Самостоятельным аспектом исследования воспоминаний военнопленных выступают интерпретации образов костюма местных народностей. «Как правило, крепостные носят длинную, в большей или меньшей степени спутанную бороду, – отмечал су-лейтенант 36-го линейного полка О. де Белэ. – В их однотонной одежде нет ни яркости, ни элегантности. Она представляет собой большую рабочую блузу из холстины или сукна, в зависимости от времени года, и что-то вроде кальсон, причем некоторые не заправляют в них рубашки. Шеи у них голые, без галстуков; и если свободные люди носят сапоги, то крепостные – обувь, сплетенную из коры» (Белэ, 2012: 282). «Одежда женщин очень красива и разнообразна, – писал лейтенант итальянского 2-го линейного полка Ф. Баджи. – Они носят что-то наподобие туники из белой материи, с различными вышивками на груди и на руках, красного цвета, похожие на те, что носят наши дьяконы на мессе. <...> Помнится, видел я женщин, носивших на голове два длинных рога, покрытых платком. Рога эти очень походили на месяц. У моей хозяйки тоже было два таких рога, которые походили на рога козы» (Белоусов, 2010b: 39-40).

Питание русских крестьян военнопленным казалось простым и непритязательным. «Крестьянин не привык к тому, чтобы кроме утра, разводили огонь, и готовилась пища, писал К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт. – Он обычно ложится спать очень рано, а встает уже в середине ночи, разогревает печку для приготовления пищи и ежедневно печет хлеб» (Шенк, 2009: 141-143). «С утра готовится еда на весь день. В 9 часов – плотная трапеза, после обеда они едят свой отличный домашний хлеб с молоком или с сыром. Вечером оставшееся доедается в кругу семьи», – добавляет обер-лейтенант вюртембергского 4-го линейного полка Ф.Ю. Зоден. «Пища крестьян состоит в основном из ржаного хлеба с солью, из похлебки, приготовленной из вареного пшена, которое становится твердым, и которое затем растворяют в бульоне. Это называется кашей (cascia). Они также едят соленья, которые держат в бочках из-под кваса (coas), их повседневного напитка. Эти соленья называются огурцы (agurschi)», – отмечал итальянский офицер Ф. Баджи (Белоусов, 2010b: 16). Мясо на обеденном столе появлялось крайне редко (Зоден, 2006: 16; Фуртенбах, 2008: 12).

Знакомство с российской провинцией позволило военнопленным подметить многие черты русского национального характера. Среди прочего они особо отмечают добродушие, простоту, умеренность и гостеприимство русских, их сообразительность, ловкость и силу, а также их особую религиозность (Ведель, 2009: 14; Пепплер, 2009: 85; Шенк, 2009: 142). Вместе с тем, умеренность у них подчас граничит с невоздержанностью, сообразительность с ленью, а религиозность с фанатизмом. Заметное место в мемуарах военнопленных занимает описание обрядов крещения, венчания и смерти (Йелин, 2009: 22-23).

По мнению военнопленных, главными пороками русских являются их упрямство и пьянство. «Никакой другой народ не держится так упрямо за старые привычки, как русские, – отмечал солдат 123-го (голландского) линейного полка Д. ван Додеваард (Воспоминания, 2009: 37). «Большим пороком русских было пьянство, писал, например, Ф.Ю. Зоден. – Они ему предавались так, что бесчувственное состояние продолжалось несколько недель, когда у русских наступала радость опьянения или скорее попойки. В этом состоянии они охотно плакали, осыпали своих домашних поцелуями и вообще оказывались очень ласковыми» (Зоден, 2006: 18). Однако следует заметить, что невоздержанность русских в потреблении спиртных напитков, в описаниях военнопленных, практически всегда происходила только во время каких-то праздников. «Русские крестьяне празднуют не так, как крестьяне в Германии, с музыкой и танцами, а в невоздержанном наслаждении плохой водкой, – писал К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт. – Ею напиваются с избытком, и те из крестьян, кто еще может ходить, бродят толпой по селу, шатаясь как бесноватые и выкрикивая песни, причем один из них напеваает несколько строф, которые остальные повторяют» (Шенк, 2009: 144). Вместе с тем, в зимнее время, во время праздников, (в ходе сельскохозяйственных работ у крестьянина свободного времени практически не было) организовывались скачки на санях и катание на санках (Шенк, 2009: 151).

Большим бедствием для России военнопленные считали крепостное право, описанию которого отводится значительное место на страницах их воспоминаний. «Крепостное право является,

бесспорно, ужасным и в высшей степени унижающим человеческое достоинство и это особенно бросается в глаза иностранцу, который с ним еще не знаком», – писал К.Хр.Л. Шенк фон Винтерштедт (Шенк, 2009: 155).

Вместе с тем, следует не согласиться с мнением М.-П. Рей о том, что в описаниях военнопленных преобладают негативные высказывания о России и русском народе (Рей, 2012: 380-381). Многие видели в нем большую и скрытую силу. Так, су-лейтенант 9-го швележерского полка граф К.А.В. фон Ведель отмечал, что в русском народе мы увидели гигантское дитя, охваченное стремительным ростом. Если в дальнейшем оно будет окружено заботой и надежно защищено от внутренних, опасных для его здоровья и естественного развития болезней, это дитя в течение одного столетия может превратиться в колосса, которому остальная Европа будет способна противостоять только объединенными силами» (Ведель, 2009: 14). Его слова во многом оказались пророческими.

Этнические характеристики мемуаристов менялись по мере их перемещения по территории Поволжья. Не остались без внимания военнопленных быт, обычаи и нравы поволжских народов. Большая социокультурная обособленность, инаковость представлена в этнографических экскурсах в отношении татарского населения. Прежде всего, отмечается уникальность их религиозных воззрений. Татары, по словам Ф. фон Фуртенбаха, исповедуют «магометанство, которое они строго соблюдают. Своих детей с раннего возраста обучают чтению и письму». «Я видел подростка, – отмечал автор, – который без запинки читал Коран. Их молитвенные дома сделаны из дерева с дымовыми трубами, но без колоколен и колоколов. Вместо этого над входом есть деревянный балкон, откуда провозглашается час молитвы. Это происходит при восходе и заходе солнца, а также в полдень. Я получил разрешение прийти на вечернюю молитву. После того, как я подобно другим, снял башмаки, я прошел в большую пустую комнату без портретов. В углу находилась печка, а на заднем плане длинный деревянный ящик, покрытый полотном, где должен был храниться Коран. Кроме того, в помещении не было ни стульев, ни скамеек» (Война против России, 2012: 351-352).

У татар было принято многобрачие. «Богатые татары берут себе в жены столько женщин, сколько могут прокормить. С ними обходятся как с рабынями; обычно они не имеют даже права есть вместе со своим господином и повелителем» (Белэ, 2012: 263).

Подчеркивалось различие русских и татар по внешнему виду и одежде. При описании внешности татар фиксировалась смуглая кожа, раскосые глаза, выступающие скулы. Отмечалось, что мужчины стригли волосы и брили бороды. «Мужская одежда зимой состоит из длинного овчинного тулупа и шапки. Летом они носят длинные синие льняные рубашки и шерстяные шапочки» (Белэ, 2012: 263). «Женщины одеты в длинные платья, которые подвязывают в середине бантом. Голову они заматывают белым платком, который складками свисает вниз так, что не видно лица. Девушки заплетают свои волосы в косы, причем снизу для красоты подвешивают несколько серебряных монет. На голове у них белые косынки. В ушах, как и на шее, большие подвески из стеклянных бус, которые располагаются так, что сверху находятся маленькие, под ними – побольше, а внизу бусины достигают величины большого ореха» (Йелин, 2009: 11-12). Ф. фон Фуртенбах отмечал, что «никогда не видел более красивых девушек, чем среди татар» (Война против России, 2012: 352).

Авторы неизменно подчеркивали наличие крайнего выражения культурной замкнутости татарского населения: «живут очень обособлено и ни за что не вступят в брак с каким-нибудь представителем другого народа. Почему они и не смешиваются и сохраняют свою чистоту» (Война против России, 2012: 352). Они были не склонны к переменам, как и все народы на Востоке (Белэ, 2012: 263). Татары «сохраняли свою национальную одежду и язык, были гостеприимны и любезны» с военнопленными. «Я находил у них очень старых людей обоего пола. Большой у них большая редкость, вероятно, из-за их опрятности, связанной с их обыкновенным образом жизни, религиозными обрядами, частыми купаниями и стирками» (Война против России, 2012: 351).

«Татарские селения отличались особенной опрятностью. Жилища в них были из дерева, <...> с дымовыми трубами. Внутри царил поразительный порядок и аккуратность, чему способствовали их религиозные обычаи. В их округе нам не попадались свиньи. <...> В их дворах было много разного скота и домашней птицы, и наблюдался большой порядок. Позади каждого дома находился небольшой огороженный садик, где выращивалась зелень. На заборе выставлены головы лошадей, которых они съели», – писал Ф. фон Фуртенбах (Война против России, 2012: 351-352).

Главное богатство татар заключалось в лошадях, мясо которых они употребляли в пищу. Их питание в высшей степени умеренно и заключалось в масле, молоке и сыре. У татар «впервые я попробовал лошадиное молоко, которое выглядело не очень привлекательно, но летом представляло собой хороший прохладительный напиток, – писал Ф. фон Фуртенбах. – Также попробовал я и вино, изготовленное из того же лошадиного молока, которое было очень крепким. Они сами пьют его очень умеренно. <...> Их обычными напитками были вода и молоко. Кваса я у них не нашел, так как он считается русским напитком» (Война против России, 2012: 352).

Многие военнопленные останавливаются на описании нравов и обычаев мордовского населения, так как путь их следования лежал непосредственно через места компактного расселения яшашных крестьян. «Мордвины (mordwini), которых во время нашего похода мы встречали часто, являются весьма интересным племенем среди других жителей России. Делятся они на две ветви – мокшан (makszardze) и эрзян (erszadze)», – писал врач польского 10-го гусарского полка С.Б. Пешке

(Белоусов, 2010а: 30-31). Основными занятиями мордвы были бортничество, скотоводство, земледелие и пчеловодство.

«Мужчины и женщины в большинстве своем стройны и хорошо сложены. Они заключают браки только между собой, и, что весьма оригинально, это происходит только после похищения невесты», – считал О. де Белэ (Белэ, 2012: 264). По мнению Ф. фон Фуртенбаха, «это сильный народ, мирный, гостеприимный и любезный. У них собственный язык и обычаи и они не смешиваются с другими народами» (Фуртенбах, 2008: 14). А вот С.Б. Пешке полагал, что «женщины их все очень некрасивы, а мужья обходятся с ними, как со скотом. Множество их детей находятся в нищете и грязи необычайной» (Белоусов, 2010а: 30-31). Мужчины «носят в ушах серьги из крашеной шерсти, формой и размерами сходные с нашими ротными кокардами на каскетках, женщины – широкие пояса, разукрашенные ужинными головками и на голове вид венца». «Женская одежда состояла из белой длинной рубашки, которая украшалась каймой из красного полотна. Тело обвивал красный шерстяной пояс, на котором слева или справа висел кожаный мешочек для сбережения денег и т.п. Вокруг шеи для украшения висели пуговицы из желтой бронзы всяких разновидностей и латунные жетоны. Точно такие же вплетались в косы, равным образом были и в серьгах вместе с круглыми полотняными пакетиками. Множество этих латунных пуговиц и жетонов вызывало при ходьбе постоянное позвякивание так, что его можно было услышать издали. Ноги у них были закутаны и обмотаны веревками или кожаными ремнями от самых сандалий, которые были сплетены из лыка» (Фуртенбах, 2008: 14; Йелин, 2009: 21).

Среди мордовского населения еще было распространено язычество. С.Б. Пешке описывает такой случай: «У мордвина, в доме которого нас поселили, я сидел на лавке и увидел под ней лошадиную голову, неловко выструганную из дерева. Потянулся было к ней, чтобы рассмотреть получше, но хозяин набросился на меня, как бешеный, и вырвал ее у меня из рук. Я допускаю, что среди этих людей еще сохранилось язычество» (Белоусов, 2010а: 30-31; Фуртенбах, 2008: 14; Йелин, 2009: 21).

Военнопленные наполеоновской армии не обошли своим вниманием особенности проживания чувашей и марийцев (черемисов). По описанию О. де Белэ, «Черемисы по большей части занимаются рыбной ловлей, охотой или разведением животных; они сохранили образ жизни и обычаи своих отцов, в жилах которых текла татарская кровь. Женщины носят здесь широкие штаны, а поверх – просторные халаты, на которых, как правило, изображено их божество – Солнце. На плечи они накидывают капюшон, которым при необходимости закрывают голову. Их длинные, черные как смоль волосы, переплетенные тесьмой, красными льняными помпонами и медными украшениями, доходят до пят. Уши они украшают большими латунными кольцами. <...> Во время восхода и захода солнца черемисы бросают работу, выходят из своих жилищ, чтобы громкими криками и низкими поклонами приветствовать дневное светило. Когда мы впервые увидели это зрелище, то не могли сдержать улыбку, однако это их несколько не смутило. Говорят, что боязнь людского мнения – это привилегия католиков. Уважая свои варварские обычаи, черемисы все же кое в чем следовали греческой религии, приправив ее элементами ислама и шаманства» (Белэ, 2012: 263-264). «Чуваши занимаются в основном земледелием. Они говорят на своем местном наречии. Нам попалось несколько чувашских деревень, спрятанных в глубине леса. На стенах их хижин обычно висит изображение Христа, но в религиозные обряды они тоже примешивают элементы языческих ритуалов. Судя по всему, они ведут еще более нищенское существование, чем черемисы» (Белэ, 2012: 264).

Заключение

Таким образом, мемуары военнопленных Великой армии отражают многие стороны провинциальной жизни и дают богатый материал по изучению совместного проживания поволжских народов в эпоху наполеоновских войн, без сомнения, являясь уникальным источником по истории Поволжья начала XIX в. Беспристрастный анализ текстов свидетельствует, что уникальный опыт формирования полинационального провинциального сообщества произрастал на основании признания множественности этнических идентичностей, а, следовательно, толерантного и уважительного отношения к инокультурной среде. Пространственная организация сообществ, наличие внутрисословных перегородок, воспроизводство корпоративного сознания лишь укрепляли представление о замкнутости межэтнических границ.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Региональные аспекты формирования российской нации» № 15-31-14003.

Литература

Белоусов, 2012 – Белоусов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. 312 с.

Белоусов, 2014а – Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии: историко-этнографический аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 60-68.

Белоусов, 2010а – *Белоусов С.В.* Воспоминания врача 1-го класса польского 10-го гусарского полка Самуила Богуслава Пешке о его пребывании в Пензенской губернии // Центр и периферия. Саранск, 2010. № 1. С. 30-31.

Белоусов, 2008 – *Белоусов С.В.* Мемуары военнопленных армии Наполеона как источник для характеристики провинциального общества (на примере Пензенской губернии) // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время: Межвуз. сборник научных трудов. Арзамас, 2008. Вып. 5. С. 178-184.

Белоусов, 2014b – *Белоусов С.В.* Обычай и нравы населения Германских государств в дневниках и мемуарах офицеров русской армии – участников Заграничных походов 1813–1814 гг. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 107-116.

Белоусов, 2010b – *Белоусов С.В.* Пензенская губерния в воспоминаниях военнопленного итальянского офицера Ф. Баджи // Вестник военно-исторических исследований: Международный сборник научных трудов. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. Вып. 2. С. 36-42.

Белэ, 2012 – *Белэ О. де.* Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806-1814: Мемуары. Исследования / Отв.сост. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012. С. 225-340.

Ведель, 2009 – *Ведель К.А.В., фон.* История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 12-30.

Вигель, 2003 – *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. 752 с.

Война против России, 2012 – Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. (*подготовка публикации, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Белоусова и к.и.н. С.Н. Хомченко; перевод с нем. А.А.Кузнецова и С.В.Белоусова*) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. X: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2012. Вып. 187. С. 348-382.

Воспоминания, 2009 – Воспоминания одного военнопленного в России о 1812, 1813 и 1814 гг., написанные Д. ван Додеваардом, бывшим солдатом Великой армии, а в настоящее время лавочником в Офесдене // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С.35-40.

Губина, 2012 – *Губина М.В.* Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805-1812) // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 252-264.

Зоден, 2006 – *Зоден Ф.Ю.* Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / Подготовка публикации, предисловие, перевод и комментарии к.и.н., доцента С.В. Белоусова. Пенза: ПГПУ, 2006. 64 с.

Йелин, 2009 – *Йелин Х.-Л.* Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера / Подготовка публикации, предисловие, перевод и комментарии д.и.н., профессора С.В. Белоусова. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. 64 с.

Ключевский, 1987 – *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.

Мельникова, 2014 – *Мельникова Л.В.* Франция и французы глазами русских участников военной кампании 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 116-124.

Михайлова, Промыслов, 2013 – *Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В.* Воспоминания о Польше и Литве солдат Великой армии // Французский ежегодник 2013. М., 2013. С. 272-288.

Патриотизм, 2015 – Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). / Отв. редактор В. В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

Пепплер, 2009 – *Пепплер Ф.* Описание моего плена в России с 1812 по 1814 г. // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 76-97.

Промыслов, 2012 – *Промыслов Н.В.* Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 396-414.

Рей, 2012 – *Рей М.-П.* Россия и русские глазами пленных французов в 1812 г.: компаративное исследование // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 366-382.

Тартаковский, 1980 – *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 313 с.

Тотфалушин, 2012 – *Тотфалушин В.П.* Саратовские степи и их обитатели в мемуарах пленных Великой армии // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: Сборник докладов и материалов Межд. науч.-практич. конф. (Уфа, 8–10 июня 2012 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 250-254.

Фуртенбах, 2008 – *Фуртенбах Ф., фон.* Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812-1813 гг. / Подготовка публикации, предисловие и комментарии д.и.н. С.В. Белоусова и к.и.н. С.Н. Хомченко; перевод с нем. А.А. Кузнецова. Пенза: ГУМНИЦ, 2008. 44 с.

Шенк, 2009 – *Шенк К.Хр.Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. 140-166.

Эткинд, 2013 – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / автор. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

References

Belousov, 2012 – *Belousov S.V.* Penzenskaya guberniya v ehpohu Otechestvennoj vojny 1812 goda: hronika sobytij [Penza province in the era of the War of 1812: Chronicle of Events]. Penza: Humanities Publishing Center, 2012. 312 p. [in Russian].

Belousov, 2014a – *Belousov S.V.* Voennoplennye armii Napoleona v Penzenskoj gubernii: istochnikovedcheskij aspekt [Prisoners of Napoleon's army in the Penza province: the aspect of source study] // Proceedings of the higher educational institutions. The Volga region. Humanitarian sciences. 2014. № 1 (29). pp. 60-68. [in Russian].

Belousov, 2010a – *Belousov S.V.* Vospominaniya vracha 1-go klassa pol'skogo 10-go gusarskogo polka Samuila Boguslava Peshke o ego prebyvanii v Penzenskoj gubernii [The memoirs of a doctor of the 1st class of the Polish 10th Hussars Samuel Bohuslav Peschke about his stay in the province of Penza] // Centre and Periphery. Saransk, 2010. № 1. pp. 30-31. [in Russian].

Belousov, 2008 – *Belousov S.V.* Memuary voennoplennykh armii Napoleona kak istochnik dlya karakteristiki provincial'nogo obshchestva (na primere Penzenskoj gubernii) // Politicheskaya zhizn' Zapadnoj Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i novejshee vremya: Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov [Memoirs of Napoleon's army prisoners as a source for the characterization of provincial society (by the example of the Penza province)] // The political life of Western Europe: Antiquity, the Middle Ages, modern and contemporary times: Interuniversity collection of scientific papers]. Arzamas, 2008. Ed. 5. pp. 178-184. [in Russian].

Belousov, 2014b – *Belousov S.V.* Obychai i nrvy naseleniya Germanskikh gosudarstv v dnevnikaх i memuarah oficerov russkoj armii – uchastnikov Zagranichnykh pohodov 1813–1814 gg. // Osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 25–26 marta 2014 g.) [Traditions and customs of the population of the German state in the diaries and memoirs of Russian army officers – participants of foreign campaigns of 1813–1814. // Liberation campaign of the Russian army of 1813–1814. in the history of Russia and Europe: Proceedings of the International scientific conference (Moscow, March 25–26, 2014)]. M., 2014. pp. 107-116. [in Russian].

Belousov, 2010b – *Belousov S.V.* Penzenskaya guberniya v vospominaniyah voennoplennogo ital'yanskogo oficera F. Badzhi // Vestnik voenno-istoricheskikh issledovanij: Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov [Penza province in the memories of the Italian POW officer F. Baji] // Herald of military-historical research: International collection of scientific papers]. Penza: Humanities Publishing Center, 2010. Ed. 2. pp. 36-42. [in Russian].

Beleh, 2012 – *Beleh O. de.* Vospominaniya grenadera Velikoj armii // Voennoplennye armii Napoleona v Rossii: 1806–1814: Memuary. Issledovaniya [Memories of the Grand Army grenadier // Prisoners of Napoleon's army in Russia: 1806-1814: Memoirs. Research / person responsible for B.P. Milovidov]. SPb.: Kriga, 2012. pp. 225-340. [in Russian].

Vedel', 2009 – *Vedel' K.A.V., fon.* Istoriya odnogo oficera v vojne protiv Rossii v 1812 godu, v russkom plenu v 1813–1814 godah, v pohode protiv Napoleona v 1815 godu: Vospominaniya // Saratovskaya guberniya glazami plennykh Velikoj armii [History of an officer in the war against Russia in 1812, in Russian captivity in the years 1813–1814, in the campaign against Napoleon in 1815: Memories // Saratov Province eyes captured the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Наука», 2009. pp. 12-30.

Vigel', 2003 – *Vigel' F. F.* Zapiski: V 2 kn. [Memoirs: in two vol.] M.: Zaharov, 2003. V. 2. 752 p.

Vojna protiv Rossii, 2012 – *Vojna protiv Rossii i russkij plen. Zаметki ober-lejtenanta Fridriha fon Furtenbaha 1812–1813 gg. (podgotovka publikacii, predislovie i kommentarii d.i.n. S.V.Belousova i k.i.n. S.N.Homchenko; perevod s nem. A.A.Kuznecova i S.V.Belousova) // Ehpoha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya: Sbornik materialov. K 200-letiyu Otechestvennoj vojny 1812 g. [The war against Russia and the Russian captivity. Notes lieutenant Friedrich von Furtenbaha 1812–1813. (Preparation of the publication, preface and comments S.V. Belousov and S.N. Homchenko; Translation from German A.A. Kuznetsov and S.V. Belousov) // Epoch 1812. Research. Sources. Historiography: The collection of materials. By the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812 // Proceedings of the State Historical Museum]. M., 2012. Ed. 187. pp. 348-382.*

Vospominaniya, 2009 – *Vospominaniya odnogo voennoplennogo v Rossii o 1812, 1813 i 1814 gg., napisannye D. van Dodevaardom, byvshim soldatom Velikoj armii, a v nastoyashchee vremya lavochnikom v*

Ofesdene // Saratovskaya guberniya glazami plennyh Velikoj armii [Memoirs of a prisoner of war in Russia on 1812 1813 and 1814. Written by D. van Dodevaardom, a former soldier of the Grand Army, and now a shopkeeper in Ofesdene // Saratov Province in POWs views of the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Nauka», 2009. pp. 35-40. [in Russian].

Gubina, 2012 – *Gubina M. V.* Obrazy protivnikov v vospriyatii pokoritelej Evropy (1805–1812) // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda [Images of opponents in the perception of the conquerors of Europe (1805–1812) // French Yearbook 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812]. M., 2012. pp. 252-264. [in Russian].

Zoden, 2006 – *Zoden F.YU.* Vospominaniya vyurtembergskogo oficera o ego prebyvanii v plenu v Penzenskoj gubernii / Podgotovka publikacii, predislovie, perevod i kommentarii k.i.n., docenta S.V. Belousova [Memories Württemberg officer about his stay in captivity in the Penza province / Preparation of publication, foreword, translation and comments PhD, associate professor S.V. Belousov]. Penza: PSPU, 2006. 64 p. [in Russian].

Jelin, 2009 – *Jelin H.-L.* Dostopamyatnye dni moej zhizni. Pohod i plen v Rossii. Iz dnevnika nemeckogo oficera / Podgotovka publikacii, predislovie, perevod i kommentarii d.i.n., professora S.V. Belousova [Memorable days of my life. Hike and prisoner in Russia. From the diary of a German officer / Preparation of a publication, preface, translation and commentary Doctor of History, Professor S.V. Belousov]. Penza: Humanities Publishing Center, 2009. 64 p. [in Russian].

Klyuchevskij, 1987 – *Klyuchevskij V. O.* Sochineniya: V 9-ti t. T. 1. Kurs russkoj istorii [Compositions: In 9 vol. V.1. The course of Russian history. Part I]. M.: Mysl', 1987. 430 p. [in Russian].

Mel'nikova, 2014 – *Mel'nikova L.V.* Franciya i francuzy glazami russkih uchastnikov voennoj kampanii 1814 g. // Osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 25–26 marta 2014 g.) [France and the French participants in the eyes of Russian military campaign in 1814 // Liberation campaign of the Russian army of 1813–1814 in the history of Russia and Europe: Proceedings of the International scientific conference (Moscow, March 25–26, 2014)]. M., 2014. pp. 116-124. [in Russian].

Mihajlova, Promyslov, 2013 – *Mihajlova YU.L., Promyslov N.V.* Vospominaniya o Pol'she i Litve soldat Velikoj armii // Francuzskij ezhegodnik 2013 [Memories of Poland and Lithuania, the soldiers of the Grand Army // French Yearbook 2013]. M., 2013. p. 272-288. [in Russian].

Patriotizm, 2015 – Patriotizm i nacionalizm kak faktory rossijskoj istorii (konec XVIII v. – 1991 g.). / Otv. redaktor V.V. Zhuravlev [Patriotism and nationalism as a Russian history factors (end of XVIII century – 1991) / Ed. Editor Vladimir Zhuravlev]. M.: Political encyclopedia, 2015. 783 p. [in Russian].

Peppler, 2009 – *Peppler F.* Opisanie moego plena v Rossii s 1812 po 1814 g. // Saratovskaya guberniya glazami plennyh Velikoj armii [Description of my captivity in Russia from 1812 to 1814 // Saratov Province in POWs views of the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Nauka», 2009. pp.76-97. [in Russian].

Promyslov, 2012 – *Promyslov N.V.* Vojna protiv prostranstva i klimata: francuzskie vospominaniya o kampanii 1812 g. // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda [The war against the space and the Climate: French memories of the campaign in 1812 // French Yearbook 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812]. M., 2012. p. 396-414. [in Russian].

Rej, 2012 – *Rej M.-P.* Rossiya i russkie glazami plennyh francuzov v 1812 g.: komparativnoe issledovanie // Francuzskij ezhegodnik 2012: 200-letnij yubiley Otechestvennoj vojny 1812 goda [Russian and Russian prisoners of war through the eyes of the French in 1812: comparative study // French Yearbook 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812]. M., 2012. pp. 366-382. [in Russian].

Tartakovskij, 1980 – *Tartakovskij A.G.* 1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya [1812 Russian and memoirs. Experience of source studying]. M.: Nauka, 1980. 313 p. [in Russian].

Totfalushin, 2012 – *Totfalushin V.P.* Saratovskie stepi i ih obitateli v memuarah plennyh Velikoj armii // Vklad Bashkirii v pobedu Rossii v Otechestvennoj vojne 1812 goda: Sbornik dokladov i materialov Mezhd. nauch.-praktich. konf. (Ufa, 8-10 iyunya 2012 g.) [Saratov steppes and their inhabitants in the memoirs of the prisoners of the Grand Army of Bashkiria // Contribution in the Russian victory in the Patriotic War of 1812: collection of reports and materials of the International scientific-practical conference (Ufa, June 8–10, 2012)]. Ufa: Publishing house BashSU, 2012. pp. 250-254. [in Russian].

Furtenbah, 2008 – *Furtenbah F., fon.* Vojna protiv Rossii i russkij plen. Zametki ober-lejtenanta Fridriha fon Furtenbaha 1812–1813 gg. / Podgotovka publikacii, predislovie i kommentarii d.i.n. S.V. Belousova i k.i.n. S.N. Homchenko; perevod s nem. A.A. Kuznecova [The war against Russia and the Russian captivity. Notes lieutenant Friedrich von Furtenbaha 1812–1813 / Preparation of a publication, preface and comments S.V. Belousov and S.N. Khomchenko; translation from German A.A. Kuznetsov]. Penza: Humanities Publishing Center, 2008. 44 p. [in Russian].

Shenk, 2009 – *Shenk K.Hr.L.* Soobshcheniya iz zhizni francuzskogo podpolkovnika, sodержashchie istoriyu ego pleniya v bitve pri Borodino v Rossii 7-go sentyabrya 1812 goda, ego perevozki k granicam Azii, a takzhe ego prebyvaniya i sodержaniya tam v kachestve voennoplennogo v 1813 i 1814 godah // Saratovskaya guberniya glazami plennyh Velikoj armii [Reports from the life of the French lieutenant colonel, containing the story of his capture at the Battle of Borodino in Russia on September 7, 1812, its transportation to the borders of Asia, as well as its content and stay there as a prisoner of war in 1813 and

1814 // Saratov Province in POWs views of the Grand Army]. Saratov: Publishing center «Nauka», 2009. pp. 140-166. [in Russian].

Ehtkind, 2013 – Ehtkind A. Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii / avtor. per. s angl. V. Makarova [Internal colonization. Imperial Russian experience / author. per. from English V. Makarov]. M.: New Literary Review, 2013. 448 p. [in Russian].

УДК 009.93

**«Гигантское дитя, охваченное стремительным ростом»:
мемуары военнопленных армии Наполеона
о формировании этнической идентичности поволжских народов**

Сергей Владиславович Белоусов^{а, *}, Ольга Александровна Сухова^а, Олег Васильевич Ягов^а

^а Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования национальной и этнической идентичности поволжских народов на основе изучения воспоминаний военнопленных армии Наполеона.

Авторы поддерживают тезис А. Эткинда о внутренней колонизации России. Поволжье выступало внутренней окраиной империи. Мощнейшим фактором, вызвавшим формирование национальной идентичности была Отечественная война 1812 г. Именно поэтому необходимо проанализировать повседневные практики межкультурного взаимодействия, сложившиеся в эту эпоху на территории полиэтничных регионов. Важно отметить, что сам факт размещения в губерниях Поволжья военнопленных армии Наполеона свидетельствует о колониальном назначении региона.

В заключении, авторы приходят к выводу, что мемуары военнопленных Великой армии отражают многие стороны провинциальной жизни и свидетельствуют о том, что уникальный опыт формирования многонационального провинциального сообщества произрастал на основании признания множественности этнических идентичностей, а, следовательно, толерантного и уважительного отношения к инокультурной среде.

Ключевые слова: военнопленные армии Наполеона, воспоминания, народы Поволжья, формирование национальной и этнической идентичности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sergbel_1812@mail.ru (С.В. Белоусов), suhhov747@yandex.ru (О.А. Сухова), yagovdom@yandex.ru (О.В. Ягов)